

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 159.937.3:159.942.5

СТРАДАНИЕ И БОЛЬ КАК ИСТОКИ ЭМПАТИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ (ЧАСТЬ 2)

Е.А. Евстифеева

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Евстифеева Е.А., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-4-5-14

***Аннотация.** В статье рассмотрены боль и страдание как истоков эмпатии и эмоционального выгорания. Обращается внимание на экзистенциальный опыт страдания, который не дает ответа на вопрос о смысле человеческой жизни и дополняется нравственным страданием человека, когда он обращается к метафизическим вопросам о смысле сущего (М.К. Мамардашвили). Раскрывается этимология слова «боль». Феномен боли концептуализируется в эпоху Просвещения. Анализируется множественная семантика боли в философском дискурсе. Рассматриваются такие сущностные ее черты, как парадоксальность, способность быть константой жизни и кодом доступа к жизни человека. В историко-философской ретроспективе (Аристотель, стоики, Фома Аквинский, М. Монтень, И. Кант) боль как телесный, физический акт соизмеряется со страданием как ментальным, психическим состоянием. В современном философском дискурсе страдание также генерируется физическим и душевным состоянием человека. Анализируется онтологическая проекция боли как бытия-в-боли; представлены размышления об экзистенциальном переживании боли. Утверждается, что в социальной онтологии боли проблемой для личности является возможность ее «приватизации», а в психологической онтологии «анастезия» боли раскрывается как проблема невротизации, психиатризации, социальной адаптации личности. В новейшем медицинском дискурсе толкование боли не исключает ее психического истока.*

***Ключевые слова:** страдание, боль, онтология боли, экзистенциальный опыт боли, философский и медицинский дискурсы о боли и страдании.*

В первой части статьи мы обсуждали феномен страдания как источник онтологической и аксиологической проблемы эмпатии и эмоционального выгорания, которая актуализируется и демонстрируется взаимоотношениями «врач – пациент». Страдание – это экзистенциал, или ценностно-смысловое отношение к судьбе, которое выбирает человек, переживая боль, вину, осознание своей смертности. Так нам объясняет в лице Виктора Франкла экзистенциальная психология, психотерапия [14]. Расширяет понимание экзистенциального состояния страдания русский мамардашвилевский экзистенциализм. Он восходит к мышлению человека как поиску смысла и его

сознательной активности в вопросе смысла своего существования: «Экзистенция – это то, что сейчас здесь ты должен сделать. Она исключает откладывание на завтра или перекладывание на плечи другого, на плечи ближнего, нации, государства, общества. Ты должен сам» [11, с. 20]. Долженствование здесь исходит из обращения к метафизическим вопросам, в которых человек обнаруживает в себе связь со смыслом сущего. Это происходит тогда, когда он не находит ответа на вопрос о смысле своего существования. М.К. Мамардашвили называет это нравственным страданием человека.

Проводя сравнительный анализ экзистенциальной философии Мамардашвили с экзистенциализмом Сартра, Камю, Хайдеггера, Паскаля, эксперт Д.Э. Гаспарян указывает на особенный русский мамардашвилевский экзистенциализм, который состоит «в уникальном соединении человеческого («слишком человеческого») с универсальным и вечным, которое в «человеческом» не только сохраняется, но и культивируется. Человек по-экзистенциалистски значим не своей абстрактной бестелесной способностью мыслить (когда забыто тело и отринуты чувства, а всем текучим и единичным стоит пренебречь), но вполне конкретным пребыванием здесь и сейчас во всей полноте своего телесно-чувственного, собственно человеческого существования» [2, с. 75]. О страдании по поводу смерти М.К. Мамардашвили размышляет так: «Смерть не наступает после жизни – она участвует в самой жизни. В нашей душевной жизни всегда есть мертвые отходы или мертвые продукты повседневной жизни. И часто человек сталкивается с тем, что эти мертвые отходы занимают все пространство жизни, не оставляя в ней места для живого чувства, для живой мысли, для подлинной жизни» [11, с. 13].

Таким образом, М. Мамардашвили расширяет экзистенциальный ракурс страдания до нравственного страдания. Для него семантика страдания восходит к экзистенциальному и нравственному опыту. И здесь актуализируется дискуссионный вопрос о соотношении слов «страдание» и «боль». Можно ли объективировать нравственное страдание? Можно ли объективировать боль? Страдание как переживание и переживание боли можно отождествлять или нет? При этом необходимо учитывать, что и страдание, и боль относятся к состоянию нездоровья или разбалансированности целостного организма человека.

Этимология боли восходит к древнегреческой мифологии, где встречается Пойна (или персонифицированный дух возмездия), которая по одной из версий была матерью богинь мести Эриний. Греки называли боль словом «algos». В английском языке слово «pain» (боль) означает также трудность, горе, страдание и т.д. Здесь кратко заявим о соизмерении слов «боль» и «страдание». Если концепт «страдание» имеет длительную символическую историю, то концепт «боль» появляется в более позднее время, в эпоху Просвещения. Здесь она становится институализированной и самоценной. Доказательный материал о предпосылках зарождения боли как «концепта» мы находим в монографии «Феномен боли в культуре» [16]. Согласимся с автором монографии в том, что «...“страдание” как синоним боли скорее имеет характер общей, неразделяемой и неизмеримой муки, физической и одновременно психической» [16, с. 8].

О парадоксальности феномена боли как предмета философского интереса находим материал в Стэнфордской энциклопедии: «Боль – самый яркий представитель класса ощущений, известных как телесные ощущения, к которым относятся зуд, щекотка, покалывание, оргазм и так далее. Телесные ощущения обычно локализируются в определенных частях тела и, по-видимому, обладают такими характеристиками, как объем, интенсивность, продолжительность и так далее, которые обычно присущи физическим объектам или величинам. Тем не менее эти ощущения часто считаются

логически приватными, субъективными, самооценочными, представляющими собой источником непогрешимого знания для тех, кто их испытывает. Таким образом, есть основания к полагать, что боль (наряду с другими подобными телесными ощущениями) – это физические объекты или состояния, которые мы воспринимаем в частях тела, а также считать, что это не так» [17]. В этом тексте обращается внимание на противоречивость боли: есть боль как ощущение в какой-либо части тела и боль как субъективное переживание. Объясняется это противоречие двойственностью субъекта и объекта [20]. В современном философском дискурсе тема боли остается дискуссионной, так как она «привязана» к фундаментальной проблеме сознания, к психофизической, психофизиологической, психосоматической проблемам.

Боль – это критерий человеческой онтологии и самое суровое испытание в человеческой жизни. Боль – самый верный симптом жизни, она относится к каждому, ее невозможно избежать. Как пишет Э. Юнгер в эссе «О Боли», опыт боли индивидуален, он не может быть понятым и воспринятым другим. Нарратив боли соотносит ее с мукой, патологией, пыткой. Боль сопровождает человека всю жизнь и, как и другие ее константы и критерии, выявляет значимость человека, утверждает Э. Юнгер. Боль – это код доступа к самому миру. Если человек справляется с болью, то ему раскрывается тайна власти, которая господствует над человеком. Как критерий человека боль неизменна, но способ оценки боли постоянно меняется [18].

Философский дискурс от античности до современности посвящен изучению боли как множественного феномена, как универсального опыта человечества, а также объяснению природы боли, способам ее преодоления. Философы указывали на разные способы противостояния боли. У Аристотеля физическая боль предстает как «страсть души». Сопутствующее боли страдание полагается испытанием мужества. В философии стоиков боль/страдание относится к явлениям, которые не подчиняются человеку. Это соотносится с основоположением стоической философии, что все существующие вещи делятся на те, что находятся в нашей власти, и те, которые нам не подчиняются. Выходом является обращение к теории. Так, Эпикур говорит о боли, что она не может быть вечной [6, с. 438]. Преодоление боли и страдания есть акт мужества, признак атараксии, спокойствие мудреца. Боль игнорируется, она не совместима с калокагатией, идеалом духовной и внешней красоты.

Суть эпикурейского учения отражена на рис. 1, где Атлант держит на плечах небесный свод, не обращая внимания на укусы змеи, а Прометей мужественно терпит наказание за то, что пошел против воли Зевса.

В историко-философской ретроспективе на вопрос о том, является ли страдание тем же, что и боль, отвечает Фома Аквинский в «Сумме теологии» [13]. Изложим его возражения, касающиеся полемики с Августином. Во-первых, страдание не является болью, потому что слово «боль» чаще употребляется в применении к телам, а «страдание» – к душе. В теле – причина боли. Боль как процесс обнаруживается в душе. Во-вторых, боль ощущается только в связи с наличным злом, а страдание относится к прошлому, настоящему, будущему злу. В-третьих, если боль связана с чувством осязания, то страдание может быть связано с любым чувством и т.д. Таким образом, Фома Аквинский различает сопричастность боли и страдания в онтологическом и аксиологическом ракурсах анализа.

Рис. 1. Чаша из Лаконии «Страдания Атланта и Прометея», 550 г. до н. э.

Заметим, что, в отличие от античного мира, в христианской культуре допускается позитивный контекст боли и страданий. Появляется личностный аспект переживания боли, аффективное ее описание как сочувствие Спасителю, что и отражено на фреске Джотто ди Бондоне «Оплакивание Христа» (рис. 2). Народ, ученики и святые восхищаются личностью Спасителя, испытывают к Нему сострадание.

Рис. 2. Фреска Джотто ди Бондоне «Оплакивание Христа», 1306 г.

В эпоху Возрождения актуализируется интерес к телесности и физической боли, которая является не только мучением, но и мужеством, с которым она переносится (рис. 3). Личным примером активного противостояния хроническому заболеванию и страданию от боли путем терпения, здравомыслия, душевной силы был М. Монтень. Он рассуждает о физической боли: «...она наихудший из спутников нашего существования... Но ведь в нашей власти, если не устранить ее полностью, то, во всяком случае, до некоторой степени умерить терпением и, как бы ни страдало наше тело, сохранить свой разум и свою душу неколебимыми» [12, с. 48].

Для И. Канта физическое страдание или страдание от телесной боли видится как стимул. Он размышляет: «...это стимул для нашей деятельности, и прежде всего в нем мы чувствуем нашу жизнь; без него наступило бы состояние безжизненности. ... Кого же, наконец, не может побудить к деятельности никакое положительное страдание, на того негативное [страдание], [т.е.] скука как *отсутствие* ощущений, которое человек, привыкший к их смене, замечает в себе, стремясь чем-нибудь занять свой жизненный импульс, часто оказывает такое действие, что он чувствует себя побужденным лучше сделать что-нибудь себе во вред, чем ничего не делать» [8]. Такое умозаключение о боли, по И. Канту, утверждает свободу воли инструментом управления физическими страданиями. Такая выбранная зарисовка способов преодоления боли указывает на душевного регулятора физической боли, на духовную инстанцию.

На репродукции картины Караваджо «Медуза» (рис. 3) изображена Медуза, которая символизирует мужество перед лицом смерти и способность терпеть сильную боль.

Рис. 3. Репродукция картины Караваджо «Медуза», 1597 г.

Если мы обратимся к философско-антропологическому дискурсу о боли, то встречаем объяснение первопричины боли как психического экзистенциального акта. Как внетелесный, неконституируемый телесно факт, различает боль известный мыслитель, философский антрополог Ф.И. Гиренок. Считая, что судить о сознании по телесности скверно, а укалывать – не значит прививать сознание, он утверждает следующее: «Боль – это не факт телесности, это пребывание в состоянии подлинного, в котором ты противостояшь миру, заявляя ему, что ты не часть мира» [4, с. 200]. Здесь же добавим оригинальные заключения философа о том, что есть акт переживания. Обычно под переживаниями понимается способность ставить себя на место другого. Такую способность не принимает Ф.И. Гиренок: «Но такая перестановка – это пародия на переживания собственного существования, своей новой телесности, которая становится органом реализации фантазмов субъективности. Вот пример. Я съел яблоко и пошел сыт и доволен. Здесь нет никакого переживания. А если я украдкой съел яблоко, которое было предназначено для моей сестры, то тогда я отношусь к этому действию, я хочу сделать бывшее небывшим. Мне стыдно, я переживаю, ибо во мне появляется галлюцинация переживаний моей сестры. То есть переживание возникает не из самого действия, а из самовоздействия, из моего самовозбуждения. Переживаю я, а не моя сестра. Беспредметность самовозбуждения позволяет обнаружить силу эмоций, которая своим сгущением создает предмет сознания» [4, с. 187]. Сам акт переживания нельзя отделить от языка его понимания.

По своему содержанию понятие «боль» противоположно понятию «здоровье». Здоровье подразумевает отсутствие боли и мыслится как желательное состояние. Боль же является врагом здоровья и мыслится как нежелательное, неблагоприятное состояние. Феномен боли сопровождает каждого человека от рождения до смерти. Он есть мгновение, трансформирующееся в бесконечность, как, например, хроническое заболевание. Боль (греч. *algēsis*, лат. *dolor*, англ. *pain*) – неотъемлемость повседневного и экзистенциального опыта человека. Ее проявления – во внутреннем давлении, которое вызывает эффект напряжения. Свидетельство и достоверность о том, что боль – это

внутреннее давление, вызывающее напряжение, находим у Э. Фромма. Он делает заключение о том, что каждый человек избавляется от болезненного напряжения с помощью чувства удовольствия: «Удовлетворение избавлением от болезненного напряжения дает удовольствие самое обычное и самое легкодостижимое в психологическом плане» [15, с. 499]. Всякое напряжение, как пружина, требует разрядки, выхода, снятия напряжения. На этом пути возможна самодеструкция, саморазрушающее поведение.

Онтологический контекст боли озвучен Ю. Ветлесеном: «Боль – будь она физической, психической или комбинацией их – имманентна человеческому существованию как таковому, и каждый проживает – терпит – ее сам ...Она происходит, говоря простым языком, от неизбежной уязвимости, которая всегда была частью человеческой природы, но которую мы (и в этом заключается культурное и историческое отличие нынешней эпохи от прежних) разучились терпеть – как в себе, так и в окружающих» [1, с. 231–232]. Онтологически боль есть данность как таковая. По Г. Гегелю, боль – сущность всего живого, объективная данность, тождественная самой себе и заключающая в себе абсолютное противоречие, где противоречие есть действительное существование [3, с. 227]. Боль есть реалья, она реальна, поэтому правомерно судить о «бытие-в-боли».

Онтология боли продуцирует экзистенциальную выраженность боли. Экзистенциальный смысл боли коннотируется как акт единичности, индивидуализации человека. Боль свидетельствует о бытийных реальях собственного экзистирования, существования. Она не просто индивидуализирует, но и заманивает в ситуацию одиночества. Она инициирует встречу с самим собой и «звонит» о самостном существовании в ипостасях телесной конституции, в проекции активного и/или реактивного образования, а также самосохраняющегося поведения и психосоматического «комплекса».

Социальная данность боли репрезентируется зависимостями, социальной аномией, смертностью, экзистенциальным одиночеством, финансовой несостоятельностью к ее преодолению. Сегодня, когда хроническими заболеваниями страдают миллионы людей, что приносит масштабный социально-экономический ущерб, социальная онтология боли говорит нам о современных технологиях принуждения, «играющих» на феномене боли с ее онто-био-психо-социо составляющими. Заметим, что технологически усиливающаяся рабская зависимость от болевого эффекта подавляет степень свободы человека, когда «объективирует» его, подсовывая своеобразный наркотик, чтобы заглушить боль, страдание, муки. Однако для личности такая зависимость «неприлична», тягостна как всякое вторжение в личное пространство, насилие над внутренним миром. Боль личности «приватизируется» ею и должна оставаться своей, личной. Сегодня в психологическом дискурсе о феномене боли раскрываются гуманитарные методы, техники, социально-психологические практики ее «анестезии». Сегодня в социокультурном контексте боль манифестирует о своей невротизированности и психиатризованности (термин М. Фуко), а жизнь «анестезирует», учит быть бдительным к рецидиву боли, быть интолерантным к боли. Степень рецепции боли, «болевое» поведение свидетельствует о нашей социальной адаптивности, способности и желанию к конструктивному или деструктивному сосуществованию [10].

Боль инициирует болезнь, которая различается как ухудшение жизнедеятельности или искажение бытия на пути к небытию, где бытие есть универсальное начало всего, что существует, что реально. Искажение бытия

происходит в результате дезинтеграции органической автономии, разрушения целостности человеческого организма.

Медицинский дискурс о боли претендует на объективное, научное объяснение боли. Поэтому выявляя универсальные характеристики, эффективные механизмы и методы подавления боли, медицинское знание не учитывает исследований боли как культурного и социально-психологического феноменов, а также спецификаций боли. Полагая медицину сплавом науки и искусства, будучи профессионалом, клиницистом, каждый врач рефлексировывает, что измерение боли – это множество сопричастных проблем, идентификация «границ» боли – это гносеологический акт, творческий процесс рационального и иррационального знания, разрешения психофизической проблемы. Так, клиницист Р.Н. Джеймисон пишет: «Не следует рассматривать боль только как органическое явление вне связи с психогенными факторами. Существует четко выраженная взаимосвязь между биологическим качеством боли и психосоматическими характеристиками пациента. Клиницисту необходимо судить о болевой перцепции у каждого пациента в аспекте собственного опыта восприятия боли» [5].

В текущем медицинском дискурсе предлагаемое определение боли прошло несколько эпистемологических трансформаций, инициированных возможностями вербального ее описания, и звучит так: «Боль – неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с действительным или возможным повреждением тканей или схожее с таковым переживанием» [18]. Здесь боль идентифицируется как чувствительное или эмоциональное неприятное ощущение, как акт повреждения тканей, органов и т.д. Она аффективна как побудительная сила и инициирована релевантными чувствами при воздействии избыточных на них факторов. В такой коннотации не исключается, что боль – явление субъективной реальности, психическое и психологическое состояние человека, переживание им патологического процесса. Она опытно апробирована, индивидуально и личностно «опредмечена», выстрадана [9].

В итоге историко-философский, современный философский дискурсы о феномене боли обнаруживают ее диалектическую взаимосвязь с феноменом страдания. Сопричастные друг другу боль и страдание конституируют человеческую жизнь. Боль концептуализируется в более позднее время, чем страдание. Философский дискурс источник преодоления боли усматривает в духовно-нравственном, душевном, психическом состоянии человека. Медицинское знание к стратегиям сублимации боли относит как фармакологические инструменты, анестезию, так и психосоматические корреляты.

Библиографический список

1. Ветлесен А.Ю. Философия боли / пер. с норв. Е.В. Воробьевой. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 240 с.
2. Гаспарян Д.Э. «Сознательная жизнь» в экзистенциализме // Человек. 2020. Т. 31. № 2. С. 55–75.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1972. Т. 3. 371 с.
4. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: Проспект, 2021. 256 с.
5. Джеймисон Р.Н. Клиническое измерение боли / пер. с англ. М.А. Карачунского, Е.В. Мельниковой. М.: Медицина, 1998. 234 с.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и высказываниях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
7. Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. Антропология с прагматической точки зрения. 743 с.

8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. 471 с.
9. Лукин И.Б., Евстифеева Е.А., Гридякина Д.Ю., Финагина А.В. Качество жизни, релевантное здоровью у пациентов с нарушениями ритма сердца // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. № 4. С. 160–169.
10. Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. 2016. № 4 (24). С. 23–33.
11. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. Психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1995. 142 с.
12. Монтень М. Опыты. Избранные главы. М.: Правда, 1991. 632 с.
13. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–I. Киев: Эльга; Ника-Центр, 2006. 576 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 372 с.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 571 с.
16. Хайдарова Г.Р. Феномен боли в культуре. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. 317 с.
17. Эйдеде М. «Боль» // Стэнфордская энциклопедия философии. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/pain/> (дата обращения: 06.08.2025).
18. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт: Тотальная мобилизация; О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского; под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 539 с.
19. Яхно Н.Н., Кукушкин М.Л., Чурюканов М.В., Давыдов О.С., Бахтадзе М.А. Новое определение боли Международной ассоциации по изучению боли // Российский журнал боли. 2020. Т. 18. № 4. С. 5–7.
20. Grahek N. Objective and Subjective Aspects of Pain // Philosophical Psychology. 1991. Vol. 4. P. 249–266.

SUFFERING AND PAIN AS THE SOURCES OF EMPATHY AND EMOTIONAL BURNOUT (PART 2)

Е.А. Evstifeeva

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article proposes to consider pain and suffering as the sources of empathy and emotional burnout. Attention is drawn to the existential experience of suffering, which does not provide an answer to the question of the meaning of human life and which is supplemented by the moral suffering of a person when he turns to metaphysical questions about the meaning of existence. (M.K. Mamardashvili). The etymology of the word "pain", which was conceptualized in the Enlightenment, is revealed. The multiple semantics of pain in philosophical discourse is analyzed. Such essential features as paradoxicality, constants and access codes to human life are considered. In the historical and philosophical retrospective (Aristotle, the Stoics, Thomas Aquinas, M. Montaigne, I. Kant) pain as a bodily, physical act was compared with suffering as a mental, psychic state. In modern philosophical discourse, suffering is also generated by the physical and mental state of a person. The ontological projection of pain as being-in-pain is analyzed, reflections on the existential experience of pain are presented. It is argued that in the social ontology of pain for an individual, the problem is the possibility of its*

"privatization", and in psychological ontology, the "anaesthesia" of pain is revealed as a problem of its neuroticization, psychiatristization, and social adaptation. In the latest medical discourse, the interpretation of pain does not exclude its psychic source.

Keywords: *suffering, pain, ontology of pain, existential experience of pain, philosophical and medical discourses on pain and suffering.*

Об авторе:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: pif1997@mail.ru

About the author:

EVSTIFEEVA Elena Aleksandrovna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: pif1997@mail.ru

УДК 316

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕФЛЕКСИИ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ

В.Ф. Мартюшов, Е.Е. Михайлова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Мартюшов В.Ф., Михайлова Е.Е., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-4-14-23

Аннотация. Рассмотрены художественные версии осмысления перспектив применения человеком искусственного интеллекта. Для перекрестной референции выбраны два произведения британских писателей: роман Чарльза Стросса «Аччелерандо» (2005) и притча Йена Макдональда «Река богов» (2006). В первом произведении поднимаются вопросы свободы выбора и изменения природы сознания человека под воздействием искусственного интеллекта; во втором демонстрируется парадоксальная возможность срачивания технологий с древними восточными традициями. Авторы статьи считают, что к футурологическим прогнозам, разумеется, следует относиться с большой долей осторожности. Сделан вывод, что рефлексия писателей-фантастов о потенциальных возможностях искусственного интеллекта актуализирует онтологические, гносеологические, ценностные и этические вопросы интерпретации и использования технологий.

Ключевые слова: *культура, личность, сознание, искусственный интеллект, свобода выбора, этика, технологии.*

Искусственный интеллект как образ будущего в настоящее время прочно вошел в массовую культуру: в кинематограф, анимационные картины, видеоигры, художественную литературу [2, 3]. В контексте создания техноутопий будущего